
Елена КОЛИНА

ТЕПЕРЬ Я ЭТО ЗНАЮ

Рассказ

Я представила себя на месте человека, которому было бы важно это услышать, и поняла, что стоит это сделать. Рассказать, как я начала свой путь с ощущения полной никчемности, когда думаешь, что ты разочаровываешь людей, просто входя в комнату, когда приходишь в мир не с радостной уверенностью: «Ура, вот я!», а с робким чувством: «Извините, что я здесь, не помешаю?» Рассказать, как я нашла в себе силы принять себя. Когда тебе говорят, что с тобой что-то не так, ты думаешь, что люди знают о тебе больше, чем ты сама, и мгновенно теряешь веру в себя. Я знала, что принять себя возможно, но не знала как. Если бы я знала раньше, что я не только жертва, я не вся — жертва, если бы я знала, что я больше чем жертва... Если бы я знала это раньше, у меня не ушло бы столько лет на то, чтобы перестать думать, что я «какая-то неправильная». Поэтому я должна об этом рассказать.

Мне двадцать лет, я хочу стать актрисой.

Меня прослушали в двух театральных школах. В одну не взяли, в другую взяли. На экзамене сказали: «Карина Каплан, ты очень красивая. Может быть, тебе этого будет достаточно».

В первый день учебы режиссер собрал весь курс. Каждый должен прочесть монолог, который читал на экзамене. Я сижу сбоку, как нежеланный гость, и понимаю: я не справлюсь, все поймут, что я не должна тут быть, я не подхожу... я не могу быть актрисой, я...

Моя фамилия, Каплан, посередине списка, до меня тридцать девять человек. Все это время, что я слушаю тридцать девять человек, я думаю: под каким предлогом сбежать? Что сказать: у меня заболел живот, голова, ухо?. Голова, живот, ухо... нет, живот неприлично, лучше голова... или все-таки ухо... Когда меня наконец вызвали, я встала и... я забыла свой монолог!..

Можно было убежать... но я не убежала. Мне кажется, я не убежала от страха. Что страшнее — убежать, и все будут на меня смотреть, как я в слезах бегу на своих высоких каблуках, или остаться?.. Но что мне читать, если я напрочь забыла свой монолог?.. Я начала говорить то, что мне пришло в голову: «Мне было семь лет, я училась в первом классе...»

...Мне было семь лет, я училась в первом классе, и я совершила ужасный поступок. Украла у одной девочки резинового утенка. Утенок был теплый, веселый, девочка принесла утенка из дома как талисман, — значит, дома у нее тепло и весело. Я взяла утенка домой — всего на один день, я хотела, чтобы у меня дома хотя бы один день было тепло и весело, — а назавтра я утенка верну.

Елена Викторовна Колина (Калмыкова) родилась в 1959 году в Ленинграде. Российская писательница, автор более 30 книг. Книги Елены Колиной переведены на немецкий, польский, литовский, болгарский, турецкий и другие языки.

НЕВА 3'2024

Вечером я шла по пустой улице — после школы я ходила в музыкальную школу, и когда возвращалась домой, улицы уже были совсем безлюдными, — я шла и напевала себе под нос: дома мне не разрешали петь, мама говорила, что у меня не настолько хороший слух, чтобы петь на людях. Утеночек был в кармане пальто, я в такт нажимала на утенка — пик-пик — и пела: «Вместе весело шагать по просторам, пик-пик, по просто...» — и тут кто-то схватил меня сзади за шею. Почему-то я не слышала, как он ко мне подошел... может быть, я слишком громко пела. Подждал ли он именно меня, следил ли он за мной, или ему просто повезло увидеть маленькую девочку? Он схватил меня за руку и, как куклу, потащил по асфальту. В подвал. Я хотела закричать, но не осмелилась: мама говорила, что ребенок не смеет возражать взрослым, что старших нужно уважать. Мама не разрешала мне кричать, плакать и вообще проявлять эмоции — и я не закричала. Он затащил меня в подвал.

Я могла быть изнасилована и убита в этом подвале, но он ничего со мной не сделал, только с собой. Расстегнул мне пальто, прижал к себе, затем отпустил и исчез, растворился в темноте. Я опустила на четвереньки и выползла из подвала: ползти было не так страшно, как идти, когда ползешь, у тебя четыре опоры, а не две.

Я шла по улице, как замороженная, как будто я просто продолжаю свой путь, как будто со мной ничего не случилось — никто не схватил меня за шею, не тащил, — не было страшного человека, жуткой темноты подвала... и вдруг заметила, что мое платье впереди в чем-то липком, — откуда у меня это пятно? Дядька! Это дядька меня испачкал?.. — и в испуге побежала, понеслась: мне нужно выстирать платье, чтобы мама не заметила!..

Я смогла заплакать только дома, оказавшись в безопасности, — в маленьком тамбуре между входной дверью и прихожей, — здесь все мое, все родное, на полу мешок с картошкой, на полке банки с вареньем.

— Обувь! — крикнула мама из комнаты, она по звуку догадалась, что я сбросила ботинки, а не поставила ровно. Обувь должна быть выстроена ровной линейкой, если ботинок окажется на сантиметр вправо или влево — мама так горестно сожмет губы, будто случилась беда. Мама все время убирает, моет, чистит — ребенок должен жить в идеальной чистоте, еда должна быть каждый день разная. У нее только два выражения лица, напряженное — ей нужно проверять у меня уроки, стирать, гладить, мыть, убирать, чистить — и удовлетворенное, поздно вечером, когда все сделано: сделаны все уроки, в доме идеальная чистота, все вещи выглажены и сложены стопочками.

...Я долго стою между дверями и не могу решиться сделать шаг. Я знаю, что сейчас будет: меня будут ругать. Мама велит показать дневник, увидит четверку... И как всегда, скажет не про четверку, а про меня: «Ты ленивая, ты неумная, ты неусидчивая, ты, ты, ты...» Я ленивая, я неумная, я, я, я...

— Каррина, дневник, — говорит мама железным голосом, она уже заранее на меня сердится, — быстрее, у меня температура под сорок, — я убегаю.

Температура под сорок, конечно, не у нее. Мама — участковый педиатр, в городке ее называют «наш детский доктор», без имени, но все знают, о ком идет речь. Ей могут позвонить посреди ночи: у ребенка поднялась температура или «он какой-то не такой», она бросается на каждый звонок. Иногда я слышу, как она разговаривает с большими детьми. Ласково. Называет их «Ирочка», «Танечка», иногда даже «зайчик».

Вот бы мне заболеть так, чтобы у меня тоже, чтобы у меня всегда была температура! Со мной у нее всегда железный голос, она никогда не говорит «Кариша» или «Кариночка», а только коротко и недовольно, раскатывая «р», «Каррина». Никогда не обнимет, не спросит, как у меня дела, а только «какие отметки»...

Мама хочет, чтобы я была дисциплинированной, крепкой... крепкой, еще крепче... хочет закалить меня как сталь. Это такая любовь. Она все делает для моей пользы — железный голос: Кар-рина, занимайся, Кар-рина, играй, ну, Кар-рина!.. Я должна выполнить и отчитаться. Мне нужно, чтобы мама была близкой, теплой, нежной, чтобы обнимала меня, смотрела в глаза, но она не может даже просто посмотреть на меня. Она меня воспитывает, а воспитание — это строгость, соблюдение правил, постоянный контроль... Мне нужно тепло, а ей нужно, чтобы я все делала лучше, чем я делаю, она всегда говорит: «Надо было лучше выучить, раньше встать», — я всегда что-то делаю недостаточно хорошо, но я не могу, у меня не получается!.. Почему для других — для всего мира, кроме меня, — она совсем другая, веселая, открытая, ее обожает весь город, — а я чувствую себя такой одинокой?

Став взрослой, пройдя зависимость и тяжелейший этап восстановления, я поняла: люди не всегда могут давать нам то, что нам нужно. Внешний рисунок человека ничего не значит, нужно суметь увидеть того, кто внутри. Пройдя то, что я прошла, я вижу маму совсем в ином свете: она очень старалась... старалась быть идеальной.

...Я хочу сказать «мама... подвал... дядька...» Сейчас заплачу, прижмусь к ней, и она шепнет мне, что я ее маленькая девочка, что она любит меня даже такую плохую, укравшую утенка, люблю... и, может быть, она прижмет меня к себе, обнимет крепко, скажет... ну, например, она скажет «Кариночка».

Если я расскажу, я отдам ей свой страх, но язык не слушается меня, все мои силы уходят на то, чтобы она не заметила мое грязное платье, я прижимаю к себе портфель, чтобы она не увидела пятно. Она будет меня ругать, скажет: «Ты сама виновата». Мама скажет, что я сама виновата, что дядька затащил меня в подвал, — я глупая, я трусиха, нужно было убежать. ...Я молчу. Уж лучше я останусь одна со своим страхом.

...И тут происходит ужасное... внезапно меня бросает в жар — утенок! Где утенок?! Я незаметно сую руку в карман — утенка нет!.. Утенок выпал, как, когда?.. Когда этот человек расстегнул мне пальто? Когда прижимал меня к себе? Когда я выползала из подвала?.. Но мне ведь нужно вернуть девочке утенка!.. Мама меня спасет, пусть ругает, но спасет!

Я начала: «Мама, я...» — и вдруг почувствовала, как он хватается меня за шею и тянет в подвал...

— Не плачь!.. Ты сама виновата, что получила четверку. Надо просто позаниматься и исправить, а не ныть, — сказала мама, натягивая куртку.

Мне показалось, что ее рука поднялась, чтобы погладить меня, дрогнула и опустилась. Она отдернула руку. Не смогла. Как будто в ней сидел кто-то, кто хотел бы меня обнять, но не может, не умеет. И правильно: я же воровка... Если она узнает, что я сделала, она от меня откажется.

— Обед на столе, суп — обязательно. Музыка не забудь сделать. Если не будешь по часу в день играть гаммы, превратишься в комара, — уже с лестницы крикнула мама.

Это был пугалка: «Если будешь плохо себя вести, превратишься в комара». Я верила, что могу превратиться в комара. Это было невысказано — ведь если я стану комаром, то меня каждый сможет прихлопнуть.

...Пятно на платье я застирала, повесила на батарею, к батарее приставила стул, чтобы мама не заметила.

Утром я пошла к этой улице, к этому дому, в этот подвал... Вот бы у меня был папа, он бы меня спас!.. Мама никогда не говорила о моем отце, а бабушка иногда говорила: называла моего отца «этот» или «он». Со мной мама была строгой, а с бабушкой со-

всем другой — беспомощной и уязвимой. Бабушка так и не простила ее за меня... Бабушка была директором школы, — а мама в восемнадцать лет сбежала из дома к моему отцу, это был позор... Мама собиралась быть счастливой и никогда не возвращаться, а через полгода вернулась — одна. То есть не одна, а беременная, со мной, совершенно побитая своей неудачей... Однажды я спросила маму, какой я была, когда родилась, все дети спрашивают. Она ответила: «Да никакая, я тебя кормила, тебя рвало, я опять кормила». Как будто я предмет, с которым нужно совершить определенные действия... Моя мама, девочка, которая не готова была стать мамой, а ей пришлось...

Мы с ней совсем не совпали. Она была юная, а я маленькая. Ее главное слово было долг, а мое — теплота, она была слишком требовательная, а я чересчур эмоциональная... Мы с ней не совпали.

...Утром я пошла к этой улице, к этому дому... замирая от ужаса, вошла в подвал, развернулась, убежала, вернулась... До сих пор у меня все внутри леденеет, когда я вспоминаю себя в пустом подвале одну... даже с тем человеком мне не было так страшно, как одной в темноте искать утенка... В ползала по грязному полу, стараясь нащупать рукой резинового утенка, надеясь, что услышу пик-пик! — но в руке оказывались то камни, то скомканные бумаги, то какие-то сдувшиеся шарики... Где-то ведь он был, желтый резиновый утенок, воплощение тепла и веселья, но я его так и не нашла.

Когда я закончила, мне аплодировали. Режиссер — очень важный, очень строгий — довольно кивнул и сказал: «Хорошо. Но русский акцент не даст тебе сделать карьеру». У меня был сильный русский акцент, и внешне я была совсем русская: высоченные каблукы, нарядная одежда, яркий макияж, длинные ногти.

После показа ко мне подошли девочки и сказали: «Как это ты так умеешь плакать? Ты ходила в театральную студию?» Я не ходила в театральную студию! Я даже в театре никогда не была: мы жили на окраине маленького сибирского городка... я была в театре всего один раз — наш класс возили на детский спектакль «Карлсон, который живет на крыше». Я рассказывала со сцены эту историю и плакала, даже не отдавая себе отчет, что плачу, потому что я... я рассказала свою историю.

Что со мной было дальше? Я была очень послушная, научилась подстраиваться, старалась доставлять как можно меньше хлопот, боялась сделать что-то не так, боялась, что будут ругать. Привыкла не задавать вопросов, ничего о себе не рассказывать. Контроль был вездесущий. Контроль, контроль, контроль — каждое мое движение, каждое слово... когда я мыла квартиру, мама заглядывала в каждый угол. Железный голос «не говори глупости», «занимайся». Уроки, отметки, дневник, музыкальная школа. Мама не умела играть на пианино, но специально изучила самоучитель, чтобы знать, правильно ли я ставлю руки. Я играла, она сидела надо мной со сжатыми губами. Говорила: «Опять у тебя локоть ниже клавиатуры!», не выдерживала, начинала кричать: «Локоть!», я плакала. Мне и в голову не приходило, что можно, размахнувшись, ударить кулаком по клавишам — так хотелось!.. но нельзя, невозможно.

Может показаться что у меня было тяжелое детство, но это не так. У меня было хорошее детство: друзья, каток, походы в кино. Снег. Я обожала снег! Вы когда-нибудь видели заваленные снегом дорожки? На улице еще темно, и под светом фонарей только-только выпавший снег сияет, как будто кто-то осыпал все вокруг бриллиантами. Волшебство... Я ходила по свежим сугробам и смотрела, как в них остаются ямки от моих валенок.

Когда мне исполнилось пятнадцать, мы уехали в Израиль.

О том, что мы уезжаем в Израиль, я узнала не от мамы. Мама скрывала это от меня до последней минуты. Мне сказал мальчик-одноклассник. «Каплан, говорят, что ты уезжаешь в Израиль. Ты еврейка». Это был шок: почему я еврейка, что это — еврейка, а где Израиль? Я посмотрела в классном журнале — на последней странице, где записывали национальность учеников, стояло «Карина Каплан — еврейка». Я еврейка. Значит, правда и то, что мы уезжаем в Израиль?

Мама не говорила со мной на «взрослые темы»: что-то считалось стыдным, например, что начнутся месячные, что-то было опасным: иметь репрессированных родственников или быть еврейкой. Не рассказывать, молчать, — а ты потом делай с этим что хочешь... Мама не рассказала мне, что у меня начнутся месячные, увидев кровь, я решила, что заболела страшной болезнью. Я полгода ела из отдельной посуды, чтобы не заразить этой страшной болезнью маму, пока мне не попала под руку Медицинская энциклопедия.

Когда я спросила маму, что означает быть еврейкой, она страшно удивилась: «Ты что, правда не знала, что ты еврейка?» Но объяснять не стала, сказала: «Ну хорошо, Карина, приедешь в Израиль, все узнаешь, сейчас мне некогда». Если бы она могла, она бы скрыла это от меня до того момента, когда я сошла с самолета на землю в аэропорту Бен-Гурион. Мне было любопытно уехать. Я откуда-то знала, что в Тель-Авиве резко темнеет. И что в Израиле очень хорошая разведка. Это все, что я знала об Израиле.

...И вот мы приехали в Израиль. Когда я сошла с трапа самолета, мне в лицо по ногам ударил жаркий воздух. В аэропорту мне сказали: «Ты самая красивая новая репатриантка в этом году».

Я красивая?.. Я — красивая?! Я была неуклюжая, застенчивая... стеснялась даже, когда со мной просто здоровались.

«Кар-рина! Когда к тебе обращаются, смотри в глаза, а не в сторону», — сказала мама.

Господи, я всегда все делаю не так... Дома, в городке, я не пользовалась успехом у мальчиков, до шестнадцати лет никого не было, ничего не было, я ни разу не целовалась — этот огромный пласт юности и взросления прошел мимо меня. Я точно знала одно: я всегда все делаю недостаточно хорошо, и сама я недостаточно хороша, сколько ни старайся.

Когда ты маленький и с тобой всегда строго обращаются, ты не перестаешь любить родителей. Ты перестаешь любить себя. От этого ощущения собственной малой ценности я была страшно не уверена в себе. Я всегда думала, что меня не хотят. Боялась, что меня не примут, что я не понравлюсь... что я неправильная, неприятная... что я нежелательна. Если ты с этим рос, это остается с тобой навсегда. Ты всегда слышишь этот голос.

...В нашем городке люди были серые, в серой, черной или темно-синей одежде — только серые краски, а в Израиле много света, все сияет. Здесь пальмы, море, здесь все необыкновенное, яркое, уникальное. Первое, что я получила в Израиле, это свобода.

Я получила свободу!

...Я все еще учусь в школе, но уже не должна отчитываться. Больше нет никакого «Кар-рина, дневник!». Мамин гиперконтроль закончился.

Мама занята выживанием. Моя учеба и поведение ей безразличны, она будто говорит мне: живи сама и дай мне возможность выжить.

...Мы живем в Кирьят-Яме за железной дорогой у химического завода. До нас эта квартира много лет стояла пустая, там жили голуби и сова... Сова до сих пор прилетает каждую ночь. Здесь огромные, невероятных размеров тараканы. Утром заходишь в ванную, а там ковер из тараканов. они ползут тебе навстречу отовсюду. Здесь мыши. Мышеловки мама выбрасывает по утрам, я не могу этого делать.

Мама ходит в ульпан, ей тяжело дается иврит. Когда я возвращаюсь домой позже, чем обычно, мама не ругает меня, она даже не смотрит в мою сторону, у нее нет на меня сил. Я слышу, как она зубрит слова и плачет. Мне больно за маму, дома мама была «наш детский доктор», у нее была любовь городка, уважение, почет, ночные вызовы, тревожные глаза, она была нужна всем, а здесь — утром выбросить мышеловки и ульпан, вечером зубрежка и зарядить мышеловки... Я хочу подойти к ней, обнять, но не могу. Мы обе не умеем показывать свои чувства, и с этим уже ничего нельзя поделать.

Сосед помогает нам устроиться на настоящую работу: мы разливаем шлангом по бутылкам едкое средство для туалетов. Платят пять шекелей в час. В первый день шланг выпал у меня из рук, струя щелочи брызнула на меня, платье мгновенно расплзлось, на ногу ожог. Мы возвращаемся домой, я иду боком, в дырявом платье, мама прикрывает меня собой. По дороге мы останавливаемся у киоска — я хочу посмотреть обложки журналов, — и вдруг я вижу себя! На обложке моя фотография, подпись: «Познакомьтесь, новая репатриантка Карина Каплан»... что это?!. Месяц назад ко мне на улице подошел израильтянин, сказал, что он фотограф из местной газеты, и попросил разрешения сфотографировать меня, я не придавала значения, а теперь вот — я на обложке, я «новая репатриантка», я, Карина Каплан! Я прошу у мамы деньги купить журнал. Дома мама записывает в тетрадь все наши расходы — она пишет: «Дала Карине шекель на журнал».

...Дома, в городке, я была ребенком, который находится под строгим контролем, а здесь, в Израиле, мгновенно стала отдельным человеком. Я устроилась убирать квартиру: дочка хозяйки моего возраста сидит на диване, пока я работаю, и наблюдает за мной. Мне не обидно, я рада, что есть свои деньги. У меня уже началась своя жизнь: экскурсии, ульпан, новые друзья...

...И вдруг — на меня начали смотреть мужчины. Они смотрят на меня как на красивую девушку! Знала ли я тогда, что я красивая? Ну, наверное, уже нерешительно знала. Каждый мой выход на улицу превращался в шоу, в победное шествие: мотоциклисты, машины, все бибикают, мигают, оборачиваются, высовываются из окон машин, машут руками... Я всегда думала, что сильна только тем, что я очень послушная, а кроме этого, у меня ничего нет, но вдруг оказалось, что у меня есть власть, которую я могу использовать: я красивая.

...Мне повезло! Я работаю официанткой в зале торжеств в хорошей гостинице. Носить огромные подносы тяжело, но лучше, чем мыть квартиры. Вокруг меня красивая жизнь, красивые люди, свадьбы, музыка... наша квартира с тараканами и эта красивая жизнь — два разных мира. Я ношу огромные подносы, получаю сорок шекелей в час плюс чаевые. Я счастлива!

Дэни, метрдотель, хвалит меня.

— Ты молодец, ты хорошо работаешь, со всеми дружишь...

Дэни иногда подвозит меня домой, мне приятно, что он, такой важный начальник, заботится обо мне, дружит со мной... Мы разговариваем, я рассказываю ему про наш городок, про маму, как ей трудно, он рассказывает о своей семье. Однажды он

рассказал мне о своей умершей много лет назад дочери. Он, взрослый человек, даже старый, рассказывает и плачет. Я тоже плачу, и теперь уже он говорит мне: «Не плачь». Мы оба плачем и утешаем друг друга.

Дэни говорит: «Ты такой светлый человек, ты необыкновенная, замечательная, у тебя есть сердце, ум, воля, характер, ты должна это про себя знать». Никто не говорил мне, что я светлый человек, что у меня есть воля и характер. Он говорит, что считает своим долгом помогать мне, ведь я недавно приехала в страну, у меня никого нет.

Но... все было прекрасно, и вот... Ну почему у меня всегда что-нибудь не так?!. Проходит немного времени, и меня перестают ставить на смену. Я ничего не понимаю, расстраиваюсь и понемногу впадаю в панику, — что со мной не так? Мне страшно спросить Дэни, почему он не ставит меня на смены, — он дружит со мной, но он важный, начальник, поступает, как считает нужным... кто я такая, чтобы задавать вопросы?

Но я все-таки набираюсь смелости и спрашиваю: «Почему ты меня не поставил?»

— Приезжай завтра на смену пораньше, я тебя встречу, — говорит Дэни.

Сначала я даже не поняла, что речь идет о сексе. Он же говорил, что я хорошо работаю... Мы говорили о его семье, он сказал, что впервые говорит о своей умершей дочери, что я слушаю сердцем, он чувствует мое тепло, что я его друг... Наши с ним отношения — это же про другое! — про сочувствие, теплоту, дружбу. Дэни, он же добрый! Я думала, что я для него новая репатриантка, девочка, которую он взял под свое крыло. Я думала, что он добрый волшебник, который открывает мне дверь в прекрасный мир...

Но добрый волшебник не открывает дверь бесплатно. И под крыло не берут бесплатно... оказывается, это сделка.

— Ты же сказал, что я хорошо работаю, — растерянно бормочу я.

— Да, ты молодец. И если ты хочешь быть в этом мире... — объясняет он.

Если я хочу быть в этом мире?.. Я хочу быть в этом мире! Конечно, я хочу быть в этом мире!

Я испугалась. Я ужасно испугалась! Все пропало, я потеряю этот красивый мир, вот прямо сейчас потеряю и больше никогда не найду.

У меня и сейчас так бывает: если вдруг что-то пошло не так, меня швыряет в такой ужас, такую панику... Сейчас я потеряю вот это, замечательное, то, что у меня есть, — потеряю и больше никогда не найду... Я могу все потерять, все! Никто не предложит мне такую сделку, как он. В этой сделке у меня нет ничего, кроме себя самой, и это единственная возможность открыть дверь, которую мне самой открыть не под силу, идти по своему пути, найти мою жизнь. Это будет не так страшно, как потерять целый мир. Но Дэни, он... он же старый...

Я пришла пораньше. Ну что сказать... Ничего приятного в этом не было.

...Что я сейчас об этом думаю? Стыдно ли мне это рассказать?

Но перед кем я должна стыдиться?

Я не воспринимала это как нравственный выбор. У меня не было вопроса, нравственно ли это. У меня был один вопрос — как выжить. Это было выживание. Я восприняла это как правила, правила мира, в котором я живу. У мужчин есть сила и власть, а тебе шестнадцать, и у тебя ничего нет... ничего нет, что ты можешь дать.

Я хотела работать, зарабатывать, это был мой способ выживания.

...Раз в неделю мама убирала большой дом на горе Кармель. Однажды мама взяла меня с собой: она плохо себя чувствовала, боялась идти по жаре в гору — этот дом

принадлежал врачу, мы посмеялись, что если ей станет плохо, врач окажет первую помощь, — и я пошла с ней. Я удивилась, как в Израиле выглядит врач — не в кабинете, недоступный, в белом халате, лишенный возраста и пола, а привлекательный мужчина с волосами, скрепленными в хвост, в майке и сандалиях. Мы вдвоем убрали дом. Мама проверила, хорошо ли я вымыла пол, заглянула в каждый угол: работу надо выполнить безукоризненно.

Мне шестнадцать, ему тридцать пять. Мы живем вместе. Он влюблен, я не влюблена, но польщена и очарована. Он говорит на четырех языках, он знает все: «Роллинг стоунс», кино, музыка, культура.

Мы живем вместе. Он содержит меня, дает карманные деньги. Я студентка, учусь в химическом техникуме. Я убираю дом, готовлю, если еда не готова вовремя, он сердится. Секс для меня — приятная обязанность: я не испытываю оргазма, но это совсем неважно. Мне приятно, что он меня хочет: он мужчина, он меня учит и кормит, а я даю ему любовь. Наконец-то у меня есть опора в жизни, дом, уверенность в будущем.

Вот только... когда я переехала к нему и к нам впервые пришли его друзья, я... он... нет, лучше я расскажу.

— Я очень волнуюсь, — сказала я, — а вдруг я не понравлюсь твоим друзьям?.. Что если они меня не примут?

— Все будет отлично. Я же с тобой.

...Они говорили об искусстве, о музыке, о кино, звучали имена Кустурица, Годар, Павич... я молчала, старательно улыбалась, — чтобы гости не заметили, что я не знаю ни одного имени, не могу поддержать разговор, что я не вписываюсь. Как будто сбывается страшный сон: все поняли, что я недостаточно хороша... тут все умные, а я одна глупая, ничего не знаю. Но ведь у меня есть он — взрослый, он научит меня, что смотреть, слушать, что читать, я постараюсь, я все узнаю, я смогу стать своей...

— Смотрите, как она ловко притворяется, на самом деле она вообще не понимает, о чем мы говорим... ну да, она еще не личность, а предмет. Расскажи нам, что ты читала Павича? А кино? Ты любишь «новую волну»? Кто твой любимый режиссер, Годар, Трюффо, Роже Вадим?

Я растерялась так, будто мне дали пощечину, — и что мне теперь делать, умереть на месте, расплакаться, убежать? Мне было шестнадцать, это был мой первый вечер с его друзьями... я так хотела понравиться, подружиться, а вместо этого все увидели, что я не вписываюсь... я недостаточно эрудированная, какой позор... я так и думала, я знала... Я не решилась встать и уйти. Сидела и старательно улыбалась, как будто ничего не произошло.

Почему он так со мной поступил? Почему он меня выдал, мы же вместе? Когда гости уйдут, я скажу ему, что это нечестно. Он должен быть за меня, а не против меня.

Гости ушли, но я ничего не сказала. Не смогла: он был такой грустный, сказал, что нам нужно обсудить его чувства, ему было стыдно за меня — я неумная, эгоистичная и самолюбивая, да еще и врунья. Он хочет мне добра, он хочет сделать из меня человека, а я обиделась, — я не имею права обижаться, моя обида неправильная, все мои чувства неправильные, это я во всем виновата.

Я верю ему. Да и как я могу не поверить, кто я рядом с ним? Он говорит на четырех языках, а я говорю на иврите с акцентом, он знает все, а я ничего не знаю, он такой значительный, а я ничего собой не представляю. Он прав — я сама во всем виновата. Я реагирую, как в детстве: меня ругают, а закрываю лицо руками — «ой, я все равно всю жизнь буду такой, какой ужас». Я прошу у него прощения.

Я прожила с ним четыре года, с шестнадцати до двадцати лет, с этим ощущением: я его недостойна, он помогает мне стать человеком. И только когда я стану человеком, я буду его достойна. «Ты можешь стать человеком, только делай все, как я говорю».

Он стал моим родителем. Мне, как в детстве, опять недостаточно быть собой, я должна зарабатывать очки, чтобы меня признали хорошей. Он вылепливает меня, выстраивает под себя, все — абсолютно все — под его контролем. Если я получаю двойку, я боюсь ему рассказать: раньше я боялась маму, а теперь боюсь сказать ему. Любая моя оплошность — еда не готова вовремя, пыль под кроватью — становится поводом для крика, упреков: «КАК ТЫ МОЖЕШЬ?!» Однажды в наказание он выключил электричество во всем доме и оставил меня сидеть в темноте. Это не издевательства, это как бы «справедливые наказания» — ведь я должна стать лучше, это делается для моей же пользы. У меня уже были такие отношения с мамой... если первые шестнадцать лет жизни значимый человек все время тыкает тебя носом в то, какой ты плохой, всегда ставит акцент не на твоём успехе, а на неудаче, то с чего бы тебе удивиться? Я легко встраиваюсь в привычный сценарий, ведь это всего лишь продолжение, второй сезон, где я играю привычную роль. Но мужчина может сделать больней, чем мама... Мама — это мама, а он — чужой человек, и если он говорит: «Ты ничего собой не представляешь, кому ты такая нужна», значит, я того заслуживаю. Он очень значительный, а я ничтожная, я никто, я никому не нужна, во мне нет ничего хорошего.

Почему я не ухожу?.. Почему я не ухожу, почему не ухожу... Но во мне же нет ничего хорошего! Я не выживу без него! Он моя опора, рядом с ним я чувствую уверенность в будущем. Я не знаю, что там за дверью, так страшно уйти в неизвестность... Я боюсь лишиться защиты. И да, я боюсь лишиться благополучия, уютной жизни, не хочу вернуться к тараканам, мышам и сове. Он говорит: «Моя бедная беззащитная девочка, куда ты без меня, такая неудачная, тебе повезло, что ты меня встретила, я тебя никогда не брошу...»

Но это не главное.

Мне стыдно перед мамой. Мама рада, что я учусь в техникуме, — это скучно, но я хорошо учусь. Мама рада иметь человека, который знает правила местной жизни и может дать совет. Мама очень его ценит, а через него признает и мою ценность тоже. Мне стыдно: если я уйду, мама будет считать, что я неудачница, скажет, что мне повезло встретить такого человека, а я ни с чем не справляюсь. Он говорит: «Ты можешь стать человеком... ты же хочешь стать человеком?» Да, я хочу стать человеком, я верю, что настанет день, когда я буду его достойна. Но и это не главное.

Между нами не только плохое, не одно плохое! У нас общая жизнь, в которой есть прекрасные моменты, он обо мне заботится, мы много смеемся... Невозможно понять, когда уже нужно уйти!.. Я никогда не знаю, не могу понять, что должно быть точкой невозврата, после чего можно решиться уйти. Мы заезжаем к его друзьям, он не берет меня с собой, и я целый час жду его в машине — это унижительно, — но ведь он вернулся и сказал: «Прости, любимая, я задержался». Он говорит, что у меня нет вкуса, я неправильно одеваюсь, у меня дурацкая причёска, я ужасно выгляжу, — но ведь он вчера говорил: «Какая ты красивая». От него пахнет чужими духами — он говорит: «Докажи, что это не твои духи», — но как можно доказать запах?.. После любой встречи с кем-то он говорит: «Ты не умеешь общаться, ты на всех смотришь заискивающими глазами, ты всегда ждешь одобрения» — это жестоко, и от этого я еще больше теряюсь, — но ведь он так часто бывает и в теплом, хорошем настроении, а я и правда не уверена в себе... За любую мелочь, пересоленный суп или опоздание на пять минут, я получаю оценку себя и своего поведения: «Ты всегда все портишь,

ты никогда ничего не знаешь, от тебя не знаешь, чего ждать», — но ведь между нами много светлого, у нас общая жизнь, в которой есть прекрасные моменты... Я никогда не знала, что сейчас получу: «люблю тебя», или «у меня дела, я занят», «ты испортила мне жизнь», или снова «не могу без тебя жить». Одной рукой он бьет, другой гладит, я никогда не знаю, что происходит, — когда меня побьют, когда погладят, а иногда я просто не могу отличить одно от другого. Но и это не главное.

Теперь я знаю, что такое любовь — это не то, что у меня было. Любить мужчину... мужчину, ребенка, друга — это общаться, иметь дело с его лучшей стороной. Если ты любишь человека, то общаешься с его лучшей стороной. В каждом есть и плохое, разное... но если ты любишь и хочешь добра, ты обращаешься к его лучшей стороне. Вот это главное.

Однажды пришла домой, а дверь закрыта — я не могу открыть ее своим ключом. Я села на скамейку под окном и стала ждать, когда он вернется домой, тогда не было мобильных телефонов. Спустя полчаса он вышел со своей ассистенткой. Она была его возраста, очень красивая,. Он обнял ее, поцеловал... и тут они меня заметили. Я не могла даже встать со скамейки, это было, как... как будто в меня ударила молния.

— Ты лучше посмотри на себя. Пойми, что в тебе не так. Ему нужна другая женщина... Может, ты когда-нибудь и поймешь, может, и ты научишься, — снисходительно сказала она.

Когда тебе говорят «с тобой что-то не так», то неизбежно попадают в то самое место, где больно до сих пор. Она случайно попала в самое больное: я глупая, опять ничего не понимаю. Она села в свою красивую машину — я машину не водила, он считал, что у меня не получится Я повернулась к нему, прошептала: «Что это?»

— Тебе показалось, ты все придумала, у тебя большая фантазия.

Я тогда не знала слова «абыюз». А если бы и знала?

В мой день рождения — мне исполнилось двадцать лет — он сделал мне предложение — и выгнал меня.

— Я хочу, чтобы мы поженились, — сказал он.

Это была такая хорошая, теплая, счастливая минута, я... была счастлива. Я сказала: «Я тоже тебя люблю, хочу выйти за тебя замуж, я хочу, чтобы ты мной гордился...»

— С чего это я буду тобой гордиться?

— Не мной, а вот если бы я... если бы я родилась другим человеком, я бы стала актрисой, и ты бы мной гордился...

— Ты — актриса? Ты — и театр? Стыдно слушать такие глупости... ну что ты смотришь заискивающими глазами?!

Дальше как обычно — потому что я все делаю не так, потому что я сама не такая... он выгнал меня в мой день рождения.

...Я сказала маме, что он сделал мне предложение. То, что он выгнал меня, ничего не означало: я вернусь, у нас будет хороший вечер, я поверю, что это в последний раз, больше никогда не будет меня обижать...

— Он сделал мне предложение, скоро свадьба, — сказала я и заплакала.

Мама решила, что я плачу от радости. Взглянула на меня с неловкостью и даже с брезгливостью и отвела взгляд — у нас же не принято проявлять эмоции, вместе радоваться, плакать, не дай бог, обниматься.

— Что же ты плачешь, девочка? — иронически сказала мама, она пошутила, как будто мы с ней в сказке и она добрый волшебник или ведьма, кого там встречают девочки в сказке.

— Я не знаю, что с собой делать.

Меня вдруг как будто прорвало: я в трясине, у меня нет шанса выбраться — из химического колледжа, из его руководства... мне не выбраться!.. Я в ловушке. Это ловушка для слабых,... но ведь я слабая... Я полностью потеряла веру в себя, но ведь у меня никогда не было веры в себя... Он подавил мою волю, — но была ли у меня воля? Я неправильная, никчемная, и так будет всегда. Он меня не бросит, а сама я не уйду... я выйду за него замуж, буду жить в большом доме на море, рожать детей, он будет мне изменять, обвинять меня в своих изменах, говорить: «Ты сама виновата», я буду плакать, а потом... потом ничего... это и будет моя жизнь...

Мама слушает, у нее каменеет лицо. Она смотрит на меня со своим обычным выражением, разочарованно, как на не вовремя сломавшийся предмет, и деловито, как бы засучивая рукава, — предмет нужно побыстрее починить. Что я за нелепый предмет, который никак не может стать человеком?.. Я закрываю глаза. Чувствую ее взгляд — на меня будто опускается плита, я становлюсь все меньше и меньше, плита придавливает меня к земле... Сейчас я услышу железный голос «Кар-рина!»

— Кар-рина! Если ты хочешь уйти от него — уходи, — говорит мама. Ох как хорошо я знаю этот сухой напряженный тон: «Ну что же, если ты хочешь стать дворником — не учишь», «Если ты хочешь остаться никем — оставайся никем». Я закрываю лицо руками, сейчас она начнет перечислять, что со мной будет, — это будет страшно, за этим бездна, в которую я упаду, и... и все, а она умывает руки, отказывается, отстраняется от меня...

— Если ты хочешь уйти от него — уходи... хочешь бросить техникум — бросай. Поступай, как считаешь нужным. Я с тобой, — говорит мама.

Что? Что — со мной? Что она говорит? Я поднимаю глаза, я не верю... Я думала, мама скажет: ты что, с ума сошла? А мама сказала: я с тобой. Неужели это правда, впервые в жизни она меня не ругает, она не моя строгая мама, она со мной?

— Я тебя во всем поддержу... я с тобой, — повторяет мама.

Мама смущается — у нас ведь не принято говорить такие слова — и быстро переходит к практической стороне дела:

— Доставай чемодан и пойдём. Я помогу тебе собрать вещи.

Почему? Почему она так поступила, почему она меня спасла? Я не знаю. Может быть, она увидела меня не как объект воспитания, а как больного ребенка, которого нужно спасать? Как ребенка, которому она поставила неправильный диагноз: думала, что у него насморк, а это аппендицит, и нужна операция?

Может быть, она что-то видела, понимала? Я считала, что она не способна смотреть в глубину души, заметить то, что творится у нее под носом, но, может быть, она что-то видела, понимала? Может быть, ее изменил трудный путь здесь, в Израиле, — только она знает, чего стоило стать здесь врачом. Может быть, потому что она моя мама?..

Мама дала мне толчок, помогла стать смелой, но уйти от него я должна была сама, одна, без мамы. Когда я сказала, что ухожу, он впервые посмотрел на меня с уважением... а мне он впервые показался не таким значительным. Он просил меня остаться и тут же: «Кто ты такая, чтобы я тебя упрасивал остаться», просил, угрожал, плакал... Расставание было очень болезненным и для него, и для меня: мне было больно внезапно ощутить свою значимость, я ведь не считала себя женщиной, которая разбивает сердца. Я должна была уйти от него сама, должна была услышать: «Ты приползешь обратно», чтобы больше никогда не вернуться. Спасибо, мама.

Я поехала в Тель-Авив и спросила: где здесь учатся в театральном?

...Я актриса, я только что окончила театральное училище и начинаю свой актерский путь. Я наконец-то на своем месте — все, что раньше было моим недостатком, помехой — чуткость, эмоциональность — нужно держать себя в руках, не показывать эмоции — стало моей жизнью, моей профессией. Я не крашусь, не ношу каблуки — я хожу в кроссовках и майках, без маникюра, я больше не нуждаюсь в том, чтобы на меня оборачивались, мне важен только мой внутренний мир. Все мои роли крошечные в маленьких театриках, режиссеры видят во мне амплу инженеру, я играю воздушных нежных девушек. Один раз мне дали сыграть старую деву, и у меня получилось — все смеялись. Роль крошечная, но это мой успех: я научилась не сравнивать себя с другими, а равняться на себя. Для меня выйти на сцену — это каждый раз переломить себя, я все так же не уверена в себе, не уверена, что во мне есть что-то хорошее. Скванность осталась, осталось чувство, что я не подхожу, что я недостаточно хороша. Я не умею быть на людях, прихожу в гости, сажусь с краю все с тем же чувством «извините, это я...».

...Прошло двадцать лет. Я до сих пор пишу, до сих пор я каждый день начинаю с этого. Моя работа не закончилась. Я все время веду разговор с собой. Мне до сих пор знакомо это ощущение неуверенности, страха перед будущим, когда ты ощущаешь себя никчемной, у тебя не получается... это возвращается постоянно. Но ты больше не закапываешь это в себя, не пугаешься, что это катастрофа. И больше не ищешь свою ценность в чужих глазах, не стараешься заслужить похвалу, ты знаешь, что у тебя есть — ты сама, ты сама себе стена и сама себе опора, ты себя не подведешь, ты можешь на себя положиться.

И каждый раз, каждое утро я заново делаю шаг, выбираю, что дает мне силы, а что истощение, думаю, все ли я делаю, чтобы быть честной, быть доброй... Я благодарна миру за то, что наша основа — это человечность, доброта, искренность, это то, что у нас нельзя забрать. Любовь. Любишь — значит молчишь про слабости, а говоришь только про силу, видишь в человеке лучшее и помогаешь ему увидеть это в себе, общаешься с тем лучшим, что внутри человека... Теперь я это знаю.